

К ВОПРОСУ О РУКОВОДСТВЕ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБОЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*Маршал Советского Союза
А. М. Василевский*

Великая Отечественная война занимает особое место в истории Советского государства, в истории его Вооруженных Сил. Эта война явилась самым крупным военным столкновением социализма с ударными силами международного империализма и вообще была самой тяжелой и самой жестокой из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной. Она явилась небывалым жестоким испытанием всех материальных и духовных сил нашей страны, суровой проверкой боевых качеств Советской Армии и Военно-Морского Флота за все время их существования. Грозные события Великой Отечественной войны все дальше уходят в глубь истории. Но время не властно над людскими сердцами. В них живет и всегда будет жить слава героических дел советского народа и его Вооруженных Сил, память о подвигах и мужестве тех, кто защитил социалистическую Родину, спас мир от фашистского порабощения, отстоял светлое будущее человечества.

Историей, всем ходом событий и документами доказано, что падение гитлеровского рейха стало прежде всего закономерным следствием его природы, его преступной политики. Неизбежна и неудивительна также закономерность победы Советского Союза над гитлеровской Германией, ибо она была обусловлена превосходством социалистического общественного и советского государственного строя, превосходством материальных и духовных сил советского народа. Тщетны все потуги империалистов и их современных идеологов обогатить, представить в извращенном свете великие деяния советских людей. Мощь социализма была неоспоримой, а ныне социализм в еще большей степени несокрушим. Победа же в Великой Отечественной войне вновь подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное развитие социалистической системы. Историческая победа в Великой Отечественной войне — это победа Советских Вооруженных Сил, созданных великим Лениным. Наша победа в войне — это победа также труженников советского тыла, победа советского народа в целом, борвшегося за свою честь, свободу и независимость. Главным источником этой победы явилась направляющая и организующая деятельность Коммунистической партии. Партия не только осуществила в суровый первый год войны перестройку народного хозяйства на военный лад и мобилизовала все силы и ресурсы страны на разгром врага, но она на протяжении всей войны успешно решала самые сложные внутренние и внешнеполитические задачи, неустанно заботилась о совершенствовании армии и флота, об усилении партийного влияния в войсках, о поднятии их боеспособности. Коммунисты организовали, вдохновили, идейно вооружили советский народ на борьбу с врагом.

Коммунистическая партия Советского Союза была и осталась постоянно сражающейся за наше дело общепартийной, и наш народ верил и верит ей, любил и любит ее. Единство партии и народа явилось важным фактором в обеспечении победы.

Война началась в неблагоприятных для нас условиях. Причины неудач в начале войны известны. Политика империалистических государств в предвоенные годы была рассчитана на то, чтобы с помощью германского фашизма уничтожить Советский Союз, а также разрешить свои межимпериалистические противоречия. Гитлеровцам удалось использовать такие временные преимущества, как милитаризация экономики и всей жизни Германии, длительная подготовка ее к захватнической войне и накопленный опыт военных действий на Западе. К тому же в распоряжении гитлеровской Германии к началу вероломного нападения на нашу страну оказались почти весь арсенал вооружения, громадные запасы металла, стратегического сырья, военные и иные заводы почти всей Западной Европы. Известно и то, что в результате допущенных просчетов в оценке времени возможного нападения на нас гитлеровской Германии советское командование упустило возможные своевременно отобилизовать, сосредоточить на главных стратегических направлениях и развернуть все необходимые Вооруженные Силы. Сказалась также частичная незавершенность проводившихся в армии мероприятий по ее дальнейшему укреплению. В результате всего этого, несмотря на ожесточенное сопротивление наших войск, крупным танковым группировкам врага, поддержанным сильной авиацией, удалось быстро и на значительную глубину продвинуться на советскую территорию, часто создавая на основных направлениях выгодные условия для осуществления им окружения наших частей и соединений. Конечно, неприятно вспоминать об этом, особенно в юбилейные дни. Но правда, какой бы она ни была суровой, есть правда, и наша партия прямо говорит своему народу о былых упущениях и ошибках. Задача состоит в том, чтобы учиться на опыте прошлого и не допускать в будущем подобных ошибок и просчетов, тем более что тяжелое положение, в котором оказался Советский Союз в начале войны, объясняется также обстоятельствами объективного характера.

В первые дни войны на СССР обрушился удар огромной силы. Армия фашистской Германии и ее сателлитов, одурманенная ядом шовинизма и расизма, полностью отобилизованная, обладавшая опытом боевых действий на Западе, превосходила тогда Вооруженные Силы нашей страны, принимавшие участие в боях, и в численности и в вооружении, причем на направлениях главных ударов это превосходство было многократным. И все же в конечном счете расчеты врага провалились, а его военная авантюра оказалась обреченной на провал. Исключительно важное значение для организации этой победы над врагом имела правильная организация управления Советским государством. Решая данный, важнейший для страны вопрос, партия исходила из ленинского принципа централизации политического, военного и хозяйственного руководства в особо напряженный момент, выработанного еще в годы гражданской войны и основанного на сочетании коллегиальности со строгой персональной ответственностью. Осуществлять политику, выработанную ленинской партией (правильное и точное определение объема и характера политических, экономических и военных целей и задач, посильных для страны и ее Вооруженных Сил в конкретный период войны, на ту или иную кампанию; мобилизация и целесообразное использование всех возможных сил и средств для выполнения этих целей и задач), мог лишь такой орган, каким являлся созданный в первые же дни войны Государственный Комитет Обороны (ГКО), который возглавил И. В. Сталин. В руках ГКО была сосредоточена вся полнота власти, руководство всей деятельностью страны, ее Вооруженными Си-

лами, руководство этой небывалой по своим масштабам вооруженной борьбой.

Наивысшей оценкой деятельности ГКО является сам ход Великой Отечественной войны и всемирно-исторические, незабываемые в веках победы советского народа над фашистскими поработителями. Советские люди — и те из них, кому суждено было с оружием в руках разить ненавистного врага непосредственно на фронтах войны, и те, кто своим героическим трудом ковал эту победу на тыловом фронте страны, и те, кто имел несчастье познать весь ужас фашистского порабощения, а затем и великую радость освобождения, — хорошо помнят и никогда не забудут огромной роли, которую сыграли в деле организации победы Коммунистическая партия, ее ЦК и Государственный Комитет Обороны. Мы, старшие советские военачальники, тем более те из нас, кто имел возможность работать тогда под непосредственным руководством ЦК ВКП(б) и ГКО, являлись свидетелями титанической работы, которую выполнял Государственный Комитет Обороны, свидетелями тех невероятных усилий, которые затрачивались Политбюро ЦК и ГКО при выполнении, казалось бы, совершенно невозможных по объему и срокам заданий в труднейших условиях, в которых находилась тогда страна; по руководству той или иной ответственной отраслью оборонной промышленности, транспортом и сельским хозяйством.

С первых же минут войны основное внимание ГКО было направлено на укрепление и повышение боевой мощи Красной Армии и Флота, на перевод хозяйства страны на военный лад, на мобилизацию и подъем всех ее сил с целью разгрома врага. Перед Вооруженными Силами партия поставила задачу отстаивать каждую пядь родной земли, драться до последней капли крови за города и села, измотать и обескровить в оборонительных боях немецко-фашистские войска, а затем разгромить и изгнать их. Претворяя в жизнь выработанную ЦК ВКП(б), ГКО и Советским правительством программу военного времени, партия проводила огромную организаторскую и политическую работу, направленную на всемерное укрепление Вооруженных Сил. По решению ГКО в срочном порядке пополнялись на фронте кадровые войска; формировались новые войсковые соединения и части; создавались, вооружались и обучались крупные стратегические резервы; проводились серьезные организационные мероприятия как в войсках, так и в органах управления ими, включая Генеральный штаб и Наркомат обороны. В тылу врага создавались целые партизанские войсковые соединения, совершенствовались руководство партизанским движением.

В результате этих усилий и проведенных мер Красная Армия крепла изо дня в день. Возрастала ее сила сопротивления врагу, вынудившая его уже на пятый месяц войны отказаться от общего наступления, которое велось по всему советско-германскому фронту, и временно перейти к обороне. В то же время ГКО вынужден был параллельно решать ряд других неотложных государственных задач. Так, в создавшейся после внезапного нападения врага обстановке необходимо было в кратчайший срок осуществить перебазирование сотен крупнейших промышленных предприятий и эвакуацию миллионов советских людей с запада на восток страны. Осуществление этой сложнейшей задачи, сыгравшее исключительную роль в организации победы над врагом, усилиями партии и всего советского народа было успешно выполнено. На высоте задач, выдвигаемых войной и определяемых Государственным Комитетом Обороны, стояло и руководство Вооруженными Силами. Говоря об этом, следует прежде всего сказать о той огромной роли, которую играла на протяжении всей войны Ставка Верховного Командования (8 августа — Главнокомандования), с 10 июля 1941 г. возглавлявшаяся И. В. Сталиным.

Осуществляя стратегическое руководство вооруженной борьбой,

Ставка не придерживалась каких-либо шаблонов, а изыскивала и применяла наиболее целесообразные в каждом конкретном случае формы работы. Как известно, в начале войны, когда управление войсками было крайне затруднено, Ставка осуществляла стратегическое руководство через главнокомандования направлений. Когда положение на фронтах стало принимать более или менее стабильные формы, главнокомандования направлений последовательно были упразднены, и руководство фронтами было взято Ставкой непосредственно на себя. Начиная с 1942 г. при проведении крупных наступательных операций силами нескольких фронтов Ставка прибегала к помощи своих представителей, которых она направляла для участия и содействия при организации и проведении этих операций, для координации действий фронтов, а в дальнейшем и для руководства ими. В последний год войны, когда протяженность линии всего советско-германского фронта резко сократилась, сократилось и число отдельных действовавших фронтов, — необходимость в создании промежуточных звеньев стратегического руководства отпала.

Ставка Верховного Главнокомандования, опираясь в работе на протяжении всей войны на свой основной оперативный орган — Генеральный штаб, на командующих и Военные советы фронтов, на представителей Ставки и на центральный аппарат Наркомата обороны, умело использовала людские и материальные ресурсы, предоставляемые в ее распоряжение страной для проведения в жизнь стратегических решений. Принимавшиеся Ставкой коллективно выработанные стратегические решения на проведение операций, как правило, всегда отвечали конкретно складывавшейся на фронтах обстановке и потому быстро, легко и правильно воспринимались командованием и войсками, а требования, предъявляемые ею к исполнителям, были реальными. Имелись в деятельности Ставки отдельные ошибки и просчеты, особенно в первый год войны. В этом отношении надо прежде всего сказать о неправильных попытках, к которым не раз прибегало советское командование в первые дни и недели войны, чтобы путем контрнаступления остановить дальнейшее продвижение во много раз превосходившего силами врага и отбросить его за пределы нашей Родины. Эти попытки вели к излишним потерям, лишали командование необходимых резервов и еще больше осложняли без того крайне тяжелое положение наших войск. Основной причиной этих ошибок являлась потеря управления войсками на местах, которая приводила к тому, что подобные решения принимались советским командованием без точных данных об обстановке, и потому они не соответствовали фактическому положению на фронте, а задачи, которые ставились войсками на основе этих решений, оказывались для них невыполнимыми. Однако мы помним и хорошо знаем, что нашим Вооруженным Силам благодаря правильному их использованию в дальнейшем со стороны Ставки, а также беспримерному героизму и мужеству советских войск удалось, выдержав тяжелый экзамен в сражениях начального периода войны, отразить нападение фашистского блока на СССР, остановить наступление гитлеровской военной машины, сорвать авантюристический план «блицкрига», уже в начале зимы 1941 г. нанести под Москвой первое во второй мировой войне крупное стратегическое поражение немецко-фашистской армии и захватить стратегическую инициативу в свои руки. Помним мы и то, что это историческое контрнаступление, несмотря на ввод в дело серьезных стратегических резервов, осуществлялось советскими войсками без какого-либо численного преимущества над противником. Наоборот, даже на Западном фронте, где нами наносился основной удар, противник превосходил советские войска в людях, артиллерии и танках. Историческая победа в Московской битве, ставшая триумфом Советских Вооруженных Сил, явилась важнейшим событием не только в Великой Отечественной, но

и во всей второй мировой войне. Разгромом гитлеровцев под Москвой победоносно завершился первый, наиболее трудный этап борьбы на пути к полной и окончательной победе над фашистской Германией.

Как известно, успешное контрнаступление наших войск под Москвой, предпринятое по инициативе Верховного Главнокомандующего, в дальнейшем переросло в общее наступление по всему советско-германскому фронту. Переоценив собственные возможности и создавшуюся для советских войск фронтовую обстановку и недооценив силы врага, Советское Верховное Главнокомандование в конце декабря 1941 г.—январе 1942 г. поставило войскам очень сложные задачи, которые они должны были выполнить к началу летнего периода. По этому решению войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов при содействии Балтийского флота должны были разгромить главные силы группы армий «Север» и ликвидировать блокаду Ленинграда. Калининский и Западный фронты, во взаимодействии с армиями Северо-Западного фронта, с одной стороны, и Брянского фронта — с другой, обязаны были окружить и разгромить главные силы группы армий «Центр». Южный и Юго-Западный фронты имели задачу нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс. Кавказскому фронту совместно с Черноморским флотом предстояло в течение зимы освободить от врага Крым.

Чтобы показать, из чего же исходило Верховное Главнокомандование, приняв это решение, позволю себе привести несколько формулировок из вступительной части директивного письма Ставки, направленного Военным советам фронтов и армий 10 января 1942 г., то есть почти одновременно с постановкой приведенных выше задач. Инициатором создания этого письма являлся И. В. Сталин. Направляя его, он хотел, чтобы войска при переходе в общее наступление, не имея достаточных сил и средств и вынужденные в то же время прорывать оборонительные рубежи врага, всемерно учли бы опыт, полученный при контрнаступлении в битве под Москвой, и не допускали бы повторения тех серьезных ошибок, которые нередко наблюдались при наступлении. Особенно касалось это создания ударных группировок, обеспечивающих необходимое превосходство в силах над врагом на нужных направлениях, и более рационального использования имеющейся артиллерии с тем, чтобы, отказавшись «от отжившей свой век артиллерийской подготовки», перейти к практике артиллерийского наступления. Польза от данного письма для командования и войск была в целом бесспорной. Но бесспорным было и то, что для выполнения поставленных перед ними столь больших задач, кроме этих указаний, необходимы были дополнительные, притом весьма значительные силы, вооружение, боеприпасы и прочее, чего Ставка дать не могла, так как их в ее распоряжении не имелось. А для создания и накопления их необходимо было время. И войска вынуждены были в результате, не завершив начатых наступательных операций, переходить к обороне. Достаточно сказать, что уже к началу общего наступления наших войск они имели по всему фронту соотношение с врагом по пехоте и артиллерии равное и лишь в танках и авиации превосходили врага в полтора раза.

Возвратимся к вопросу об оценке фронтовой обстановки Верховным Главнокомандованием к началу перехода в общее наступление. Мы читаем в упомянутом письме следующее: «После того, как Красной Армией удалось достаточно измотать немецко-фашистские войска, она перешла в контрнаступление и погнала на запад немецких захватчиков. Для того, чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли на оборону и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями. Немцы рассчитывают задержать таким образом наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти

в наступление против Красной Армии. Немцы хотят, следовательно, выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году. Но для осуществления этой задачи необходимо, чтобы наши войска научились взламывать оборонительную линию противника, научились организовывать прорыв обороны противника на всю ее глубину и тем открыли дорогу для продвижения нашей пехоты, наших танков, нашей кавалерии...». Правильно оценивая сложившуюся к началу 1942 г. фронтовую обстановку как благоприятную для дальнейшего продолжения наступления, Верховное Главнокомандование, принимая решение развернуть это наступление на всех основных стратегических направлениях, допустило ошибку, так как это решение не соответствовало в то время возможностям наших Вооруженных Сил и неизбежно повлекло за собой почти равномерное распределение между этими направлениями имевшихся в распоряжении Ставки резервов. В результате в ходе общего наступления зимой 1942 г. советским войскам не удалось полностью разгромить ни одной из главных немецко-фашистских группировок.

Важным историческим этапом на пути к окончательной победе над врагом был второй год войны, первая половина которого для нас сложилась неудачно. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, гитлеровские стратеги, не имея уже возможности нанести удары, как это было в 1941 г., сразу на нескольких стратегических направлениях, сумели развернуть летом 1942 г. крупное наступление в южной полосе советско-германского фронта, преследуя те же цели по плану «Барбаросса», которых им не удалось добиться в 1941 году. Советское Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб полагали, что летом 1942 г. враг попытается нанести свой удар, как и в 1941 г., на Московском направлении, а потому основные силы до лета 1942 г. мы держали здесь. Правда, немало внимания и сил у Верховного Главнокомандования отнимало в то время и Ленинградское направление. Поступавшие же в Генеральный штаб и в Ставку сведения о создании врагом группировки войск на юге нашего фронта неверно расценивались как намерения противника предпринять там вспомогательный, отвлекающий удар, который было решено сорвать упреждающим ударом войск Юго-Западного направления. Успешно начавшееся здесь в первой половине мая наступление советских войск было приостановлено, так как переход основной группировки врага в контрнаступление против слабых сил нашего Южного фронта создал угрожающее положение не только для войск Южного, но и для основных сил Юго-Западного фронта. В результате неудачной операции войска фронтов Юго-Западного направления понесли тяжелое поражение и вынуждены были, отражая удары крупных сил противника, вести кровопролитные бои, отходя от рубежа к рубежу в глубь страны. Враг вновь захватил стратегическую инициативу. Но в конечном счете, хотя ему и удалось прорваться к Волге у Сталинграда и выйти в предгорья Кавказа, благодаря предпринятым Ставкой серьезным мероприятиям и героическим усилиям наших войск это немецкое наступление тоже закончилось провалом. Советские войска, твердо руководимые Верховным Главнокомандованием, обескровив врага в оборонительных сражениях, создали необходимые условия для перехода в решительное контрнаступление, которое началось в ноябре 1942 г. под Сталинградом.

Искусно выполняя замысел Ставки и детально разработанный по нему представителями Ставки, Генеральным штабом и командованием фронтов этого направления план операции, советские войска наголову разгромили отборные войска фашистов в великой Сталинградской битве.

Этот разгром явился решающим вкладом в создание коренного перелома в войне в пользу государств Антигитлеровской коалиции. Данное поражение означало также полный провал военной доктрины немецко-фашистской армии, превосходство нашей стратегии, оперативного искусства, тактики, организаторского таланта советских военачальников. Правильное использование советским командованием войск, решительные и искусные действия самих войск привели осенью и зимой 1942-го и в начале 1943 г. к изгнанию врага с захваченных им территорий на Северном Кавказе, Кубани, Верхнем Дону и к прорыву блокады Ленинграда.

Летом 1943 г. развернулась знаменитая Курская битва. Общими усилиями она была хорошо организована и классически проведена. В результате противник окончательно утратил стратегическую наступательную инициативу. Последующее контрнаступление и общее наступление ряда наших фронтов завершилось освобождением Донбасса, Левобережной Украины, форсированием Днепра и захватом больших плацдармов на его правом берегу. На примере этой грандиозной по объемам и очень сложной по содержанию и по формам выполнения операции как нельзя лучше можно проследить, как же именно зарождался и вырабатывался у Верховного Главнокомандования самый замысел крупных стратегических операций, как разрабатывался план их проведения и как обеспечивалось их выполнение. Говоря о плане Курской битвы, надо прежде всего сказать, что этот план являлся для советского командования центральной частью плана всей летней кампании 1943 года. К разработке плана предстоящих действий на лето 1943 г. и к их всестороннему обеспечению Советское Верховное Главнокомандование приступило в конце марта 1943 г., сразу же после завершения зимней кампании. Уже в начале апреля Генеральный штаб по поручению Ставки дал указания фронтам использовать период весенней распутицы для лучшей организации обороны занимаемых рубежей, особенно противотанковой, для развития оборонительных сооружений и создания резервов на основных направлениях, а также для боевой подготовки войск, в основу которой положить отработку вопросов организации наступательного боя и операции.

Как и всегда, а в этот период особенно, вопрос создания резервов Ставки и накопления танков, самолетов, артиллерии, боеприпасов, горючего и прочих материальных ресурсов, необходимых войскам для проведения крупных наступательных операций в предстоящей летней кампании, являлся основной заботой ГКО, Ставки, Генерального штаба, соответствующих наркоматов СССР, а также главных управлений Наркомата обороны. На наиболее ответственных для данного периода направлениях — Орловском, Курском, Харьковском и Донбасском — по предложению Генерального штаба и согласно решениям Ставки к апрелю были выведены из фронтов и находились на укомплектовании со сроком готовности к 30 апреля пять общевойсковых и одна танковая армии, четыре танковых и два механизированных корпуса. А всего по состоянию на 1 апреля в резерве Ставки было до 10 армий. 6 апреля Ставкой была дана директива о создании к 30 апреля мощного Резервного фронта, позже переименованного в Степной округ, а затем в Степной фронт.

Враг, не имея возможности наступать на широком фронте, на этот раз решил сосредоточить максимум своих ударных сил на более узком участке обороны наших войск и прежде всего разгромить фланговыми ударами нашу группировку, сосредоточенную на Курском выступе. Советской военной разведке удалось своевременно вскрыть подготовку гитлеровской армии к крупному наступлению в районе Курского выступа, а затем установить и время перехода противника в наступление. Естественно, что в сложившихся условиях, когда был вполне очевиден предпо-

дававшийся удар врага крупными силами, требовалось принять наиболее целесообразное решение. Советское командование оказалось перед сложной дилеммой: наступать или обороняться, а если обороняться, то как? Были внимательнейшим образом проанализированы все возможности, изучены все варианты.

Принять единственно правильное в той обстановке новое стратегическое решение помог, как всегда, коллективный разум, большой творческий труд опытных, умудренных двумя годами войны военачальников и штабов — от командования фронтов до Верховного Главнокомандования. Анализируя многочисленные разведывательные данные о характере предстоящих действий врага и о его подготовке к наступлению, фронты, Генеральный штаб и Ставка все больше склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. Этот вопрос в конце марта — начале апреля многократно обсуждался в ГКО и Ставке. Имел место неоднократный обмен мнениями по этому вопросу также между заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуковым и мною. 8 апреля Г. К. Жуков, находясь в войсках Воронежского фронта, направил Верховному Главнокомандующему доклад с оценкой обстановки и со своими соображениями о плане действий в районе Курского выступа. Там отмечалось: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

Мне пришлось быть у И. В. Сталина, когда он получил этот доклад. Из прежнего обмена мнениями он хорошо знал, что изложенной Г. К. Жуковым точки зрения придерживается и Генеральный штаб. Верховный Главнокомандующий, ознакомившись с докладом и не высказав своего мнения по нему, сказал: «Надо посоветоваться с командующими войсками фронтов». Дав Генеральному штабу распоряжение запросить мнение фронтов и обязав подготовить специальное совещание в Ставке по обсуждению плана летней кампании, в частности действий фронтов на Курской дуге, он сам позвонил Н. Ф. Ватутину и К. К. Рокоссовскому, чтобы они к 12 апреля представили свои соображения по оценке фронтовой обстановки и по плану предстоящих действий фронтов. Указанные донесения с фронтов Ставка и Генеральный штаб получили от Центрального фронта (К. К. Рокоссовский) 10-го, а от Воронежского (Н. Ф. Ватутин) — 12 апреля. В вопросах оценки сил противника и его намерений мнения командующих фронтов совпадали с мнениями Г. К. Жукова и Генерального штаба. В соображениях по плану действий своих войск командование Центрального фронта высказывалось за то, чтобы объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку врага, пока она еще не подготовилась к наступлению, и тем самым лишить врага возможности использовать эту группировку для нанесения удара на Курск одновременно с ударом из района Белгорода.

На состоявшемся вечером 12 апреля совещании в Ставке, где присутствовали И. В. Сталин, прибывший с Воронежского фронта Г. К. Жуков, я и заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов, было принято важнейшее решение о переходе к преднамеренной обороне. Тщательный анализ обстановки и предвидение развития событий позволили сделать правильный вывод, что главные усилия надо сосредоточить в районе Курска, обескровить здесь врага в оборонительном сражении, а затем перейти в контрнаступление и окончательно довершить его разгром. В дальнейшем имелось в виду развернуть общее наступление, нанося главный удар в направлении Харьков—Полтава—Киев. Нельзя не сказать и о том, что на совещании был предусмотрен также другой вариант действий — переход советских войск к активным

действиям в случае, если вражеское командование не предпримет наступления под Курском в ближайшее время, а оттянет его на длительный срок. После принятия решения о преднамеренной обороне и последующем переходе в контрнаступление развернулась всесторонняя и тщательная подготовка к предстоящим действиям. Одновременно продолжалась разведка действий противника, в результате чего советскому командованию стали точно известны сроки начала вражеского наступления, которые Гитлер трижды переносил.

Трудно перечислить весь круг крупных мероприятий, проведенных ГКО, Ставкой, Генеральным штабом и Наркоматом обороны в интересах подготовки к решающей битве на Курской дуге. Это была огромная, поистине титаническая работа. В число таких мероприятий входило создание многополосной обороны на Курском направлении на общую глубину в 250—300 км, создание и выдвижение в районе восточнее Курска мощного стратегического резерва Ставки — Степного фронта, осуществление крупнейшего за все время войны сосредоточения в районе Курска материальных средств и войск, организация специальных воздушных операций по нарушению вражеских коммуникаций и завоеванию господства в воздухе, активизация действий партизан с целью организации массовых диверсий в тылу врага и получения важнейших разведывательных данных. Осуществлялся также целый комплекс мероприятий по развертыванию партийно-политической работы в Красной Армии. В середине апреля Ставка через Генеральный штаб и руководящий состав Наркомата обороны проверила подготовку к летней кампании в войсках фронтов Курского направления. Для устранения выявленных недочетов Ставкой были даны разработанные Генеральным штабом директивные указания. К этому времени, по имеющимся у нас данным, враг сосредоточил против войск Центрального и Воронежского фронтов до 16 танковых дивизий, хорошо укомплектованных танками. Более мощная группировка врага фиксировалась перед войсками Воронежского фронта. Здесь насчитывалось 11 танковых и до 20 пехотных дивизий. Это особенно беспокоило Верховного Главнокомандующего, и он решил лично заслушать командующего Воронежским фронтом относительно того, как идет подготовка и в чем нуждается дополнительно фронт для выполнения поставленных перед ним задач. Мне было приказано предупредить об этом Военный совет фронта, а затем и вызвать его в Ставку.

Легко себе представить, сколь повышенные требования предъявлялись в ожидании удара врага советским командованием к органам нашей разведки. И надо сказать, что в данном случае разведка неплохо помогла нам. Так, если руководители Генштаба в первые два года войны вынуждены были многократно выслушивать серьезные и довольно острые замечания Верховного Главнокомандования относительно плохой работы нашей разведки, что касалось прежде всего основного организатора и руководителя ее — Разведывательного управления Генштаба, то в 1943 г. таких замечаний почти не было. И это было вполне закономерно. Как ни стремился враг скрыть планы своего наступления, как ни старался он отвлечь внимание советской разведки от истинных районов сосредоточения основных ударных группировок, нашей разведке удалось установить не только общий замысел врага на летний период 1943 г., направления его ударов, состав ударных группировок и его резервов, но и время начала наступления.

В результате всех предпринятых мероприятий, а затем отличной обороны советских войск наступление врага, начатое 5 июля 1943 г. на Орловско-Курском направлении, захлебнулось еще в тактической зоне, а на Белгородско-Курском — в ближайшей оперативной глубине нашей обороны. Здесь, в сражениях Курской битвы, был сломан стеновой хребет гитлеровского вермахта, и Германия, окончательно потеряв на-

дежду на успех, реально увидела перед собой перспективу проигрыша войны, которую она развязала осенью 1939 года. Коренной поворот в ходе второй мировой войны, начавшийся в великой битве под Москвой и получивший наибольшее развитие в Сталинградской битве, был окончательно завершен в сражениях на Курской дуге. Москва, Сталинград, Курск стали, таким образом, тремя крупными историческими рубежами на пути к победе над фашистской Германией, победе, к которой привела наш народ Коммунистическая партия Советского Союза.

В сражениях Курской битвы инициатива действий на советско-германском фронте второй мировой войны окончательно закрепились за Красной Армией. Все последующие операции велись уже нашим Верховным Главнокомандованием в условиях безраздельного владения инициативой Советскими Вооруженными Силами, что явилось важным фактором в достижении новых крупных военных побед над врагом. В результате победы под Курском перед советским командованием яснее открылись перспективы конечной победы. Мощные, сокрушительные удары Красной Армии, нанесенные по немецко-фашистским войскам в результате ряда отлично разработанных командованием и безукоризненно выполненных нашими войсками в течение 1944 г. наступательных операций, завершились затем полным изгнанием врага с советской земли и перенесением боевых действий на территорию поработанных Гитлером стран Восточной Европы. Из этих операций особо следует отметить Корсунь-Шевченковскую, Белорусскую и Ясско-Кишиневскую наступательные операции по окружению и разгрому крупных сил врага, удары в западных областях Украины, а также между реками Тиссой и Дунаем, активные боевые действия моряков на Черном, Балтийском морях и на Северном Ледовитом океане. На конечном этапе войны, в 1945 г., были проведены Восточно-Прусская, Висло-Одерская, Будапештская, Венская, Пражская и завершившая войну гигантская Берлинская наступательные операции. Война пришла к тем, кто ее развязал. В центре германской столицы врагу был нанесен последний, смертельный удар. Поход на Восток закончился для фашистов не парадом в Москве, о чем трубила в 1941 г. гитлеровская пропаганда, а капитуляцией в собственной столице.

Советский Союз и его Вооруженные Силы явились основной, решающей силой в разгроме гитлеровской Германии. В тяжелой и длительной борьбе они благодаря усилиям Коммунистической партии и всего советского народа оказались более мощными, чем самая могучая армия капиталистического мира. Преимущества Советских Вооруженных Сил, обусловленные социалистической экономикой, советским политическим строем и нашей передовой идеологией, сами собой не привели бы к победе. Их необходимо было правильно использовать, что и было сделано общими усилиями партии, ГКО, Ставки и советского командования в целом. Ряд стратегических наступательных да и оборонительных операций советских войск, о которых говорилось ранее, являются истинными классическими образцами. С удивительной быстротой нарастал наступательный порыв наших войск при проведении операций. В завершающий период войны в наступлении участвовали войска почти всех фронтов. При этом для кампании 1944 г. было характерно, что наступление велось сразу на нескольких стратегических направлениях, а в 1945 г. — на всем советско-германском фронте при непрерывном нарастании технической вооруженности наступательными средствами.

Успех этих классических операций, которые привели к окончательной победе над врагом, предопределялся прежде всего тем, что в основу их всякий раз клались правильные, своевременные, отвечающие сложившейся фронтовой обстановке, реальные по силам и средствам стратегические решения и детально разработанные планы проведения в жизнь этих решений с учетом их развития и завершения. А реальность

самих решений, правильность и конкретность разработанных планов крупнейших стратегических операций обеспечивались творческими совместными усилиями Ставки, Генерального штаба и Военных советов фронтов. Руководящая же роль при выработке планов стратегических операций, проведенных силами нескольких фронтов, во всех случаях принадлежала Ставке Верховного Главнокомандования и Генеральному штабу, так как только им были известны силы и средства, которые могли быть привлечены для этих целей, и только они могли решать, когда и куда целесообразнее будет направить эти силы.

Руководящая роль Ставки Верховного Главнокомандования проявлялась не только при выработке и принятии своевременных и правильных, наиболее отвечающих на данном этапе целям войны стратегических решений, но также в постоянном и конкретном руководстве фронтами при проведении решений в жизнь. Особенно наглядной была на протяжении всей войны роль Ставки в деле создания и умелого использования крупных стратегических резервов, что позволяло Ставке успешно влиять на ход и развитие стратегической обстановки на фронтах и резко менять ее в свою пользу. То же достигалось Ставкой путем своевременного и неожиданного для врага подключения к операциям ударов соседних фронтов или путем организации новых мощных фронтовых ударов на иных стратегических направлениях. Это приводило в конечном результате к достижению единой цели.

Ведущая и руководящая роль в деятельности Ставки на протяжении всей войны, безусловно, принадлежала Верховному Главнокомандующему. Он обладал огромным умом, железной силой воли и поразительной памятью, умел отлично разбираться в самой сложной военной обстановке. Неправильны утверждения, что он не переносил советов других лиц и игнорировал их. От нас, военачальников, работавших во время войны под его непосредственным руководством, и от командующих фронтами он всегда требовал оценки происходящих на фронте событий, предложений по ним и строго взыскивал с каждого из нас при малейшем нарушении этих требований. «Маршалу Василевскому. Сейчас уже 3 часа 30 мин. 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесения об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки. Я давно уже обязал Вас, как уполномоченного Ставки, обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения...» Так начиналось полученное мною 17 августа 1943 г. в бытность мою на Юго-Западном фронте послание И. В. Сталина, вызванное тем, что я, находясь в первый день фронтовой операции в войсках армии В. В. Глаголева, задержался на несколько часов с присылкой И. В. Сталину очередного донесения как представитель Ставки по Юго-Западному и Южному фронтам.

Верховный Главнокомандующий изо дня в день очень внимательно и серьезно следил за ходом фронтовых событий. Опираясь на свою постоянную и непосредственную связь с командующими фронтами, представителями Ставки, Генеральным штабом и центральным аппаратом Наркомата обороны, он своевременно реагировал на все серьезные изменения во фронтовой обстановке, умело и правильно используя при этом все ценное из вносимых ему предложений. Правда и то, что в своих требованиях к подчиненным он был неумолимо настойчив и до жестокости строг.

Говоря в целом о роли Ставки Верховного Главнокомандования в стратегическом руководстве Вооруженными Силами, не будет преувеличением сказать, что Ставка, непрерывно и умело осуществляя конкретное стратегическое руководство вооруженной борьбой, не только этим помогала фронтам, но зачастую и учила их искусству побеждать. Это можно подтвердить, в частности, многими документами, направленными Ставкой на протяжении войны в адрес командующих войсками фронтов

и армий и хранящимися ныне в архивах. Я позволю себе привести выдержку хотя бы из одного документа. Речь идет о директиве Ставки, направленной фронтам и армиям в мае 1942 г. в связи с крайне неприятным и тяжелым для Вооруженных Сил и страны в целом исходом операции на Керченском полуострове. Как мне хорошо известно, содержание этой суровой директивы в условиях весны 1942 г., а особенно при организации и осуществлении операций под Сталинградом, да и последовавших за ней операций, сыграло исключительно полезную роль.

Детальное изучение Керченской операции, организованной Ставкой, выявило несостоятельность руководства войсками фронта со стороны командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Козлова, члена Военного совета дивизионного комиссара Шаманина, начальника штаба фронта генерал-майора Вечного и представителя Ставки армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса. Анализируя причины провала Керченской операции, Ставка в своей директиве указывала, что основная причина заключалась в том, что командование фронта, представитель Ставки и командующие армиями, особенно 44-й, обнаружили полное непонимание природы современной войны. Вследствие этого при выполнении приказа Ставки о переходе к прочной обороне командование фронта растянуло свои дивизии в одну линию, не считаясь с открытым, равнинным характером местности; вплотную пододвинуло всю пехоту и артиллерию к противнику; не создало вторых и третьих эшелонов, не говоря уже о резервах. Поэтому после прорыва противником линии фронта командование оказалось не в состоянии противопоставить достаточные силы врагу, своевременно задержать его и ликвидировать прорыв.

В директиве также указывалось, что командование фронта с первых же часов наступления противника выпустило из своих рук управление войсками, так как первым же налетом авиация врага разбомбила хорошо известные ей и длительное время не сменявшиеся командные пункты фронта и армий, нарушила проволочную связь и расстроила узлы связи, а радиосвязь по преступной халатности штаба фронта оказалась в загоне. К использованию других средств связи штабы армий оказались неподготовленными. Командование фронта не организовало взаимодействия армий между собой и совершенно не обеспечило взаимодействия наземных сил с авиацией фронта. Командование фронта вопреки опыту войны не организовало в нужный момент отвода войск. Оно не поняло того, что противник, нанося главный удар против левого фланга фронта, сознательно вел себя пассивно против правого фланга, будучи прямо заинтересован в том, чтобы наши войска на этом фланге оставались на своих позициях, и рассчитывая нанести им удар с выходом своей ударной группировки на тылы наших войск, находившихся в бездействии на правом фланге. Когда же на второй день после начала наступления противника, учитывая обстановку, сложившуюся на Крымском фронте, и видя беспомощность командования фронта, Ставка приказала планомерно отвести армии фронта на позиции Турецкого вала, командование фронта и Мехлис своевременно не обеспечили выполнение приказа Ставки и начали отвод с опозданием на двое суток, причем отвод происходил неорганизованно и беспорядочно. Командование фронта не обеспечило выделения достаточных арьергардов, не установило этапов отвода, не наметило промежуточных рубежей отвода и не прикрыло подхода войск к Турецкому валу заблаговременной выброской на этот рубеж передовых частей.

Вторая причина неудач наших войск на Керченском полуострове, как указывала Ставка, заключалась в бюрократическом, бумажном методе руководства войсками со стороны командования фронта и Мехлиса. Они считали, говорилось в директиве, что главная их задача состояла в отдаче приказа и что изданием приказа заканчиваются их обязанности по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа

является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования. Как показал разбор хода операции, указывала Ставка, командование фронта отдавало свои приказы без учета обстановки на фронте, не зная истинного положения войск. Командование фронта не обеспечило даже доставки своих приказов в армии, как это имело место с приказом для 51-й армии о прикрытии ею отвода всех сил фронта за Турецкий вал — приказом, который не был доставлен командарму. В критические дни операции командование Крымским фронтом и Мехлис вместо личного общения с командующими армиями и вместо личного воздействия на ход операции проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета.

Ставка строго взыскала с виновных, сняла их с занимаемых постов, снизила в воинских званиях и направила каждого из них для проверки на другую, менее сложную работу. Ставка потребовала, далее, от командующих и Военных советов всех фронтов и армий извлечь уроки из этих ошибок и недостатков. Как подчеркивалось в директиве, задача заключалась в том, чтобы наш командный состав по-настоящему усвоил природу современной войны, понял необходимость глубокого эшелонирования войск и выделения резервов, понял значение организации взаимодействия всех родов войск, а особенно взаимодействия наземных сил с авиацией. Ставка требовала решительно покончить с порочными методами бюрократическо-бумажного руководства и управления войсками, не ограничиваться отдачей приказов, а бывать чаще в войсках, армиях, дивизиях и помогать своим подчиненным в деле выполнения приказов командования. Командному составу, комиссарам и всем политработникам предписывалось до конца выкорчевывать элементы недисциплинированности в среде больших и малых командиров.

Директивы и приказы с указанием ошибок, допускаявшихся в борьбе с врагом, и путей к их устранению многократно направлялись Ставкой в течение войны и другим командующим фронтами. Не избежали соответствующих указаний и мы, представители Ставки. Приведу для примера одну из телеграмм, полученную мною 4 декабря 1942 г. после очередной неудачной попытки ликвидировать окруженные под Сталинградом войска Паулюса: «Тов. Михайлову [Василевский]. Ваша задача состоит в том, чтобы объединить действия Иванова [А. И. Еременко] и Донцова [К. К. Рокоссовский]. До сего времени у Вас, однако, получается разведение, а не объединение. Вопреки Вашему приказу 2 и 3 числа наступал Иванов, а Донцов не был в состоянии наступать. Противник получил возможность маневра. 4-го будет наступать Донцов, а Иванов окажется не в состоянии наступать. Противник опять получает возможность маневрировать. Прошу Вас впредь не допускать таких ошибок. Раньше, чем издать приказ о совместном наступлении Иванова и Донцова, нужно проверить, в состоянии ли они наступать. 4.12.42 г. 7 ч. 06 мин. Васильев [Сталин]». Обязан сознаться, что данный упрек Верховного в мой адрес был совершенно справедлив, так как указанная в телеграмме неудачная попытка в расчете на внезапность для врага, действительно не без моего ведома, имела место, хотя основной причиной наших неудач при попытках ликвидировать в те дни окруженного врага наличными силами с ходу являлась более серьезная ошибка, а именно — наше неправильное, крайне преуменьшенное представление о силах окруженного противника, которые в действительности значительно превосходили действовавшие против них советские войска. В связи с этим Ставка вынуждена была предпринять дополнительные серьезные меры.

Многие директивы и приказы Ставки, Генштаба, Наркомата обороны доводили до командования и войск извлекаемый из войны опыт бое-

вых действий всех родов и видов Вооруженных Сил, их взаимодействия, освоения и боевого применения новых образцов вооружения и боевой техники. Важную роль сыграли изданные во время войны уставы и наставления. Перед выпуском их в свет все они тщательно проверялись практически на учениях с войсками, а затем посылались на заключение в войска. Так, в марте 1942 г. было издано Генеральным штабом «Наставление по полевой службе штабов». В том же году вышел в свет «Боевой устав пехоты». В 1943 г. — «Полевой устав». Помню, прежде, чем издать «Боевой устав пехоты», мы разослали его проект на все фронты с указанием раздать определенное количество экземпляров в армиях лучшим командирам батальонов и рот, помочь им детально и практически освоить устав, проверить в различных условиях боевой обстановки, а к определенному сроку этих командиров направить в Ставку для личного изложения своих замечаний и заключений Верховному Главнокомандующему. Одновременно обязаны были представить свои заключения Военные советы фронтов и армий. Организация указанного выше совещания в Ставке была возложена на меня. Такая встреча с вызванными с фронтов командирами состоялась: сначала более детальная — у руководителя Генерального штаба, а затем у Верховного Главнокомандующего. Она дала очень много полезного.

Основным оперативным рабочим органом Ставки Верховного Главнокомандования в деле стратегического руководства вооруженной борьбой на протяжении всей войны являлся Генеральный штаб. Генеральный штаб обязан был: организовать и поддерживать постоянную и самую прочную связь Ставки и Генерального штаба с фронтами и армиями; непрерывно собирать данные о складывающейся на фронте обстановке, тщательно анализировать ее и со своими выводами и предложениями докладывать Верховному Главнокомандованию; на основе решений, принимаемых Ставкой, разрабатывать планы использования Вооруженных Сил и планы стратегических операций; организовать и строжайше контролировать передачу и доставку адресатам решений, приказов, директив и всех других документов, исходящих от Верховного Главнокомандования; организовать и вести постоянную, тщательную и своевременную разведку и непрерывное наблюдение за деятельностью врага; разрабатывать приказы и директивные указания Верховного Главнокомандования и Наркомата обороны по вопросам управления войсками в бою, использования ими опыта войны, организации войск и другим; организовать и контролировать оперативные перевозки войск; принимать все зависящие от Генштаба меры по скорейшему формированию, вооружению и обучению стратегических резервов Ставки, своевременно направлять и использовать их в строгом соответствии с принимаемыми Верховным Главнокомандованием решениями; следить за состоянием, обеспечением и боеспособностью своих войск и своевременно принимать соответствующие меры по поднятию их боеспособности, по восполнению понесенных ими потерь и по выводу с ведома Ставки из состава фронтов войсковых соединений, наиболее нуждающихся в восстановлении, в резерв Ставки на доукомплектование; вместе с командующими видами и родами войск, главными и центральными управлениями Наркомата обороны и начальником тыла Красной Армии разрабатывать и представлять правительству заявки на выпуск военной продукции в соответствии с намеченными Ставкой стратегическими планами. В ведение Генерального штаба входили и многие другие вопросы, связанные с вооруженной борьбой. Однако и приведенный перечень показывает, что функции Генштаба были весьма обширны.

Нужно признать, что в первые дни и недели войны Генеральный штаб не смог обеспечить Главному командованию нормальных условий для руководства вооруженной борьбой. Отсутствие сплошного фронта, очаговая оборона, потеря управления войсками со стороны армейско-

го и фронтового командования, а особенно на Северо-Западном и Западном направлениях, с первых же дней фашистского нападения создали крайне серьезную для наших Вооруженных Сил и их командования обстановку. Командование Северо-Западного и Западного фронтов в течение первых, наиболее ответственных дней войны не имело правильного представления о событиях, происходивших на фронте. Не имел его и Генеральный штаб, а следовательно, нарком обороны и правительство. Надо сказать, что в те дни были моменты, когда у Генерального штаба единственным средством связи с войсками основных направлений являлась лишь связь с передовыми постами ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь) по линии противовоздушной обороны, находившимися, как правило, на линии войск, ведших бой. По данным, поступавшим от этих постов, работники Генерального штаба пытались составить тогда представление о линии фронта к тому или иному моменту.

Отсюда до некоторой степени будет понятным решение, которое было принято в те дни советским военным командованием и правительством о направлении на фронт для уточнения истинного положения вещей и для оказания помощи фронтовому командованию многих ответственных работников Наркомата обороны. На Западное направление отправились Маршалы Советского Союза Б. М. Шапошников, работавший в то время в должности заместителя наркома обороны по оборонному строительству, и Г. И. Кулик, заместитель наркома по вопросам вооружения. От Генерального штаба были направлены на Северо-Западное направление первый заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, назначенный 30 июня начальником штаба Северо-Западного фронта; на Западное направление — заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант В. Д. Соколовский, назначенный в дальнейшем начальником штаба Западного фронта, начальник оперативного управления генерал-майор Г. К. Маландин и многие другие. Да и начальник Генштаба генерал армии Г. К. Жуков, как известно, с третьего дня войны находился на Юго-Западном направлении, а сам нарком обороны С. К. Тимошенко 2 июля был назначен командующим Западным фронтом. Отрыв от Генерального штаба части руководящего состава в условиях той сложнейшей военной обстановки, в которых оказались наши Вооруженные Силы в начале войны, не мог, конечно, не сказаться отрицательно на руководстве вооруженной борьбой и на работоспособности Генерального штаба. К тому же сама структура штаба, как показали те дни, не совсем отвечала требованиям начавшейся войны. Необходима была срочная перестройка. Вместо Г. К. Маландина на должность начальника оперативного управления был назначен состоявший для важных поручений при наркомате обороны, очень способный, хорошо известный мне по совместной учебе в Академии Генштаба генерал-майор В. М. Злобин. Меня лично война застала на работе в должности заместителя начальника оперативного управления.

Все усилия Генерального штаба да и Наркомата обороны в целом были направлены в те дни на то, чтобы как можно быстрее восстановить управление войсками, установить истинное положение на фронте, помочь Главному командованию найти в той сложной обстановке и провести в жизнь более правильное решение, способное восстановить нарушенный фронт обороны наших войск и остановить дальнейшее продвижение врага в глубь страны. Огромную работу выполнял в те дни Генеральный штаб по руководству и контролю проводившейся в СССР мобилизации старших возрастов военнообязанных, а также по выполнению решений ГКО о создании крупных стратегических резервов и о скорейшей переброске войск из внутренних округов к фронту.

28 июня немецко-фашистские войска подошли к Минску, а затем захватили его, глубоко проникли на территорию Прибалтики и приблизи-

лись к Пскову. Несмотря на огромное мужество, с которым советские войска вели сдерживающие бои, особенно на основном, Смоленско-Московском направлении, стремление нашего командования создать новую оборону по линии реки Березина успеха не имело. Развернулись ожесточенные бои вокруг Смоленска и восточнее его, которые продолжались длительное время. 29 июля работникам Генштаба стало известно решение Ставки об образовании Резервного фронта с тем, чтобы надежнее прикрыть Московское направление и создать здесь более глубокую оборону, с назначением командующим этим фронтом генерала армии Г. К. Жукова. Тогда же стало известно, что на пост начальника Генерального штаба назначен Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, покинувший этот пост в 1940 году. Эта новость для нас, работников Генерального штаба, была неожиданной. Все мы были проникнуты к Г. К. Жукову чувством глубокого уважения как к особо выделявшемуся в то время крупному военачальнику, отлично зарекомендовавшему себя и на работе по обучению войск и при организации и проведении крупных боевых операций. Примером тому служили не столь давние события в районе Халхин-Гола, где Георгию Константиновичу принадлежала руководящая роль в крупной наступательной операции, успешно проведенной против японских войск, пытавшихся вторгнуться в пределы Монгольской Народной Республики, а затем и Советского Союза. Работники Генерального штаба также знали, что Г. К. Жуков хорошо показал себя при решении крупнейших оперативных и стратегических вопросов во время стратегической игры, проведенной наркомом обороны и Генеральным штабом в январе 1941 г., что, по существу, и повлекло за собой его перевод с должности командующего войсками Киевского Особого военного округа на пост начальника Генерального штаба. Что касается меня, то я особенно хорошо знал Г. К. Жукова, причем знал опять-таки исключительно с положительной стороны, как по работе в самом Генеральном штабе, так и по нашей совместной в прошлом работе в 1931—1932 гг. в Управлении боевой подготовки РККА, где Г. К. Жуков работал помощником инспектора кавалерии и в то же время являлся ответственным секретарем нашей большой партийной организации.

30 июля, вернувшись с Западного фронта, прибыл в Генштаб и приступил к работе на посту его начальника Б. М. Шапошников. Весь этот день он пробыл в Ставке. Поздно ночью я был вызван к нему. Борис Михайлович сообщил, что Ставка вместе с Главнокомандованием Северо-Западного направления (К. Е. Ворошиловым и А. А. Ждановым) детально рассмотрела положение на фронте Ленинградского направления с целью всемерного его укрепления. Конкретные предложения по этому вопросу Ставка поручила Б. М. Шапошникову и К. Е. Ворошилову представить к вечеру 31 июля. Далее мне было объявлено, что Климент Ефремович, в частности, поставил перед начальником Генштаба вопрос о назначении меня начальником штаба Северо-Западного направления и что этот вопрос 31 июля будет также рассматриваться в Ставке. Б. М. Шапошников заметил, что члены ГКО и И. В. Сталин хорошо знали меня по моей работе во время советско-финской кампании 1939—1940 гг., и потому, по его твердому убеждению, вопрос об этом назначении, безусловно, будет решен Ставкой положительно, а мне придется в следующую же ночь отбыть вместе с Главнокомандованием направления в Ленинград. В связи с этим он порекомендовал использовать оставшееся время для детального изучения положения на фронтах данного направления, что я и сделал. Каково же было мое удивление, когда Борис Михайлович, вернувшись поздно ночью 31 июля из Ставки, ознакомил меня с постановлением о назначении меня начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба! Борис Михайлович заверил меня, что он доволен та-

ким оборотом дела, просил меня немедленно принять все обязанности по новой должности и быть готовым на следующий же день отправиться вместе с ним в Ставку.

Позволю себе сказать здесь несколько теплых слов о дорогом Борисе Михайловиче, которому я многим обязан в своей жизни и работе. Те из нас, кто работал под непосредственным руководством Бориса Михайловича в период с осени 1937 г. по август 1940 г., когда он возглавлял Генеральный штаб, никогда не забудут, как, учась у него, мы повседневно накапливали широкий круг исключительно ценных знаний, особенно в области оперативного искусства, и приобретали богатейший опыт штабной службы. Это была неоценимая школа. И я, признаюсь, всегда гордился тем, что И. В. Сталин впоследствии, рассматривая тот или иной вопрос, иногда обращался ко мне со словами: «Послушаем, как относится к этому и что скажет нам «шапошниковская школа?»»

И мы, генштабисты, и весь руководящий состав Вооруженных Сил глубоко уважали и любили Б. М. Шапошникова, высоко ценили его ум и огромный практический опыт, особенно в вопросах управления войсками, которым он так щедро делился, и широко использовали богатое теоретическое наследие, которое он оставил нам в своих научных трудах. Более сорока лет прошло после выхода в свет его основного труда «Мозг армии». Многие, конечно, за это время изменилось. Немало жизнь внесла изменений и в положения, изложенные в данном труде. Но главные проблемы, затронутые Борисом Михайловичем, в принципе справедливы еще и ныне. Б. М. Шапошников обладал всем необходимым для работы на посту начальника Генерального штаба: отличным знанием военного дела, широкой эрудицией, огромным трудолюбием, усидчивостью и высоким чувством ответственности. Опыт оперативно-штабной работы в годы первой мировой и гражданской войн, практика командования войсками в трех военных округах, детальное знакомство со структурой центрального аппарата и, наконец, высокий деловой авторитет в глазах руководителей Коммунистической партии и Советского правительства позволили Борису Михайловичу сделать Генеральный штаб подлинным центром военного руководства. Большое влияние на нас, генштабистов, оказывал личный пример Б. М. Шапошникова. Его выдержанность и вежливость в отношениях с подчиненными, скромность и большой такт во взаимоотношениях с руководящими работниками центральных и главных управлений Наркомата обороны, дисциплинированность и предельная исполнительность при выполнении заданий, получаемых от политического и государственного руководства, — все это воспитывало и в нас чувство собственного достоинства, сознание ответственности, исполнительности и культуру служебного поведения. При всей своей мягкости и вежливости Б. М. Шапошников был олицетворением долга. В безупречном, инициативном и своевременном выполнении заданий партии и правительства по укреплению обороноспособности страны он видел свою прямую обязанность и самый смысл существования Генерального штаба.

Итак, с 1 августа 1941 г. возобновилась моя совместная работа с Борисом Михайловичем, возобновилась в самые суровые для страны и для Вооруженных Сил дни, которые, по-видимому, окончательно и непоправимо подорвали и без того очень слабое его здоровье. В те дни нам приходилось ежедневно, а иногда по нескольку раз в сутки бывать у Верховного Главнокомандующего. Здесь, как правило, мы заставляли членов ГКО и Политбюро ЦК и вместе с ними изыскивали ответственные решения для того, чтобы остановить ненавистного врага. Здесь же принятые решения в большинстве случаев и оформлялись нами, а порой прямо отсюда передавались фронтам. Особенно незабываемы события октябрьских дней 1941 года. В середине октября гитлеровцы продолжали рваться к Москве. На Московском направлении шли жесто-

ченные бои. Опасность для нашей столицы неизмеримо возросла. Как известно, в связи с приближением линии фронта непосредственно к Москве, когда резервы Ставки оказались уже израсходованными в борьбе за Вяземский рубеж обороны и прикрыть столицу, казалось, было нечем, ГКО принял и осуществил решение об эвакуации из Москвы правительственных учреждений, дипломатического корпуса, крупных оборонных заводов, научных и культурных учреждений столицы. Был эвакуирован и Наркомат обороны. 16 октября эвакуировался и Генеральный штаб во главе с Б. М. Шапошниковым. С ним по месту новой дислокации была установлена прочная связь. В Москве оставались Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО, Ставка Верховного Главнокомандования и минимально необходимый для оперативного руководства страной и Вооруженными Силами правительственный и военный аппарат. Оставленную от Генерального штаба небольшую группу работников для оперативного обслуживания Ставки возглавить было приказано мне.

19 октября в связи с продолжавшей осложняться на фронте обстановкой ГКО вынес постановление о введении в Москве и в прилегающих к ней районах осадного положения. Нет, по-видимому, необходимости говорить о том огромном значении, которое имело для советских войск, особенно для войск, оборонявших родную столицу, для москвичей, да и для всего советского народа пребывание в те грозные дни ГКО и Верховного Главнокомандования во главе с И. В. Сталиным в полуосажденной Москве. Сражаясь с невиданным героизмом, упорством и мужеством, советские воины к концу октября смогли остановить врага на рубеже Волжского водохранилища (восточнее Волоколамска), по линии рек Нара и Ока до Алексина. На юго-западных подступах к столице противник был остановлен в районе Тулы. Фашистская группа армий «Центр» была вынуждена временно прекратить свое наступление. Советское командование использовало выигранное время для дальнейшего усиления войск Западного направления и для укрепления вокруг Москвы оборонительных рубежей.

Одним из крупных мероприятий в деятельности ГКО и Ставки в то время являлось завершение подготовки резервных формирований. На рубеже Вытегра — Рыбинск — Горький — Саратов — Сталинград — Астрахань создавался новый стратегический эшелон Вооруженных Сил. Здесь на основании решения ГКО от 5 октября 1941 г. формировались сначала три, а затем еще шесть резервных армий. Создание этих армий на протяжении всей Московской битвы являлось одной из основных и повседневных забот ЦК партии, ГКО, Ставки и Генерального штаба. Мне как старшему начальнику от Генштаба, находившемуся при Ставке, вменено было в обязанность ежедневно при докладах Верховному Главнокомандующему о положении на фронтах подробно докладывать о ходе формирования этих армий и о всех затруднениях, встречающихся при этом. Рассказывая об исключительно тяжелых для страны, особенно для Москвы, днях, я не могу не поделиться воспоминаниями и о том, что именно в те до предела напряженные дни Верховное Главнокомандование нашло возможным отметить большую работу группы оперативных работников Генерального штаба, обслуживавших Ставку. 29 октября постановлением СНК СССР четверым из десяти человек нашей группы были присвоены очередные воинские звания, а именно: мне — звание генерал-лейтенанта, В. В. Курасову, А. Г. Карпоносову и Ф. И. Шевченко — звания генерал-майора.

В условиях, когда враг стоял у стен Москвы, огромное значение, как известно, приобрело состоявшееся 6 ноября торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября — традиционный парад на Красной площади, после которого принимавшие в нем участие войска отправлялись прямо на фронт. Наша генштабовская группа при Ставке распорядилась

нием Верховного Главнокомандующего была освобождена от участия в работе по организации парада. Нам вменено было в обязанность в те дни и часы, как никогда, все внимание сосредоточить исключительно на событиях, происходивших на фронте, особенно в районе Москвы, на вопросах противовоздушной обороны столицы в день парада. Призывы Коммунистической партии, прозвучавшие в выступлениях И. В. Сталина на торжественном собрании и на параде, отдать все силы для защиты Родины, да и сам по себе парад, проводившийся почти на глазах у врага, вызвали огромный патриотический подъем в стране. Они вдохновили наш народ на новые героические подвиги на фронте и в тылу, укрепили в сердцах всех советских людей твердую веру в грядущую победу. В стане же противника эти события вызвали новый приступ ярости и неистовства.

В течение первой половины ноября противнику удалось вновь создать на Московском направлении две мощные ударные группы, которые 15—16 ноября перешли в наступление, стремясь обойти Москву с севера через Клин и Солнечногорск, а с юга — через Тулу и Каширу. На полях Подмосковья вновь развернулись кровопролитные бои. К концу месяца враг сумел северо-западнее города выдвинуться к каналу Москва — Волга и форсировать его у Яхромы, а юго-восточнее достичь района Каширы. Это был предел немецкого наступления под Москвой. Мощными контрударами наших войск его наступление было здесь окончательно остановлено. И в том, что советские воины выстояли, сдержали натиск врага, большую роль сыграла твердость руководства со стороны ЦК партии, ГКО во главе с И. В. Сталиным, остававшихся все время в Москве, где они осуществляли широкую деятельность по мобилизации всех сил страны для отпора врагу.

В начале декабря Верховное Главнокомандование располагало уже крупными стратегическими резервами. И перед Ставкой встали задачи исключительной важности: ликвидировать угрозу Ленинграду, Москве и Кавказу, вырвать стратегическую инициативу из рук врага и создать перелом в ходе войны. Решая эти задачи, Верховное Главнокомандование направляло основные усилия на разгром врага на Центральном направлении, чтобы снять угрозу столице нашей Родины. Предпринятые Ставкой в ноябре и декабре успешные действия советских войск на Тихвинском (войска генерала армии К. А. Мерецкова) и Ростовском (войска генерал-полковника Я. Т. Черевиченко) направлениях, которые были необходимы там в связи с создавшимся крайне критическим положением в Ленинграде и угрозой прорыва врага на Северный Кавказ после взятия им Ростова, в значительной мере облегчили проведение контрнаступления под Москвой. В конце ноября ГКО принял решение вернуть в Москву эвакуированные в октябре из столицы некоторые государственные учреждения. Вернулся частично и Генеральный штаб во главе с Б. М. Шапошниковым, сразу включившийся в работу по подготовке контрнаступления.

Замысел контрнаступления под Москвой сводился к тому, чтобы ударами правого и левого крыла Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить ударные группировки врага и отбросить их от столицы. Соображения по плану контрнаступления войск Западного фронта, игравшего основную роль в этой исторической операции, были доложены командующим войсками фронта Г. К. Жуковым Верховному Главнокомандующему в присутствии некоторых членов ГКО и руководителей Генштаба и утверждены затем 1 декабря. Соображения, представленные командующим Юго-Западным фронтом С. К. Тимошенко, были рассмотрены и утверждены Ставкой 30 ноября. Директивные указания Ставки командующему войсками Калининского фронта И. С. Коневу я передал лично в ночь на 1 декабря в штабе фронта, который находился в селе Большое Кушалино, в 40 км

северо-восточнее Калинина. Несмотря на очень слабый состав войск Калининского фронта и на незначительное усиление его для контрнаступления за счет резервов Ставки, Иван Степанович Конев и Военный совет фронта в целом восприняли задачу Ставки с полной уверенностью в успешном ее выполнении и очень горячо тут же принялись за работу... 5—6 декабря началось историческое контрнаступление под Москвой. Результаты его известны.

Говоря о Генеральном штабе периода Великой Отечественной войны, не могу также не остановиться хотя бы вкратце на людях, которые работали тогда в нем и столь хорошо помогали Верховному Главнокомандованию, да и мне как лицу, некоторое время возглавлявшему Генштаб. До июня 1942 г. обязанности начальника оперативного управления Генштаба лежали на мне. В то же время я являлся основным заместителем начальника Генерального штаба. Частые заботы Б. М. Шапошникова обязывали меня распоряжением Ставки принимать на себя в этих случаях обязанности начальника Генерального штаба в целом. Учитывая сложнейшую фронтную обстановку, в которой приходилось выполнять работу столь огромной важности, да и отсутствие у меня должного опыта, я считал, что на занимаемый мною пост должен быть назначен другой работник, который мог бы стать полноценным помощником Ставки в руководстве вооруженной борьбой. Во второй половине января 1942 г., когда вновь заболел Борис Михайлович, я настойчиво поставил перед Верховным Главнокомандующим вопрос об усилении Генштаба квалифицированными работниками и с согласия Б. М. Шапошникова добился назначения на должность первого заместителя начальника Генерального штаба начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанта В. Д. Соколовского, которого я отлично знал по совместной работе в Приволжском военном округе и в Генштабе перед войной. За мной тем же решением Ставки была оставлена должность начальника оперативного управления и второго заместителя начгенштаба. Это было 25 января 1942 года.

После этого дела у нас, на мой взгляд, пошли лучше. Но, к сожалению, этого решения Ставки хватило всего лишь на несколько дней. За эти дни В. Д. Соколовский и я по несколько раз бывали в Ставке. Никаких особых замечаний и претензий нам не предъявлялось. Но 31 января нам объявили новое решение Ставки — о возвращении Василия Даниловича на прежнюю работу, в должность начальника штаба Западного фронта. Это решение было воспринято нами как очередная забота Ставки о фронте. Я также был оставлен в своей должности начальника оперативного управления. Правда, с того же дня я был назначен первым заместителем начальника Генерального штаба. Вскоре на меня были возложены и другие обязанности. В связи с осложнениями на тех или иных направлениях фронта Ставка часто посылала меня туда. Так, уже зимой и весной 1942 г. мне пришлось побывать на Волховском, Северо-Западном, Юго-Западном и Воронежском фронтах. И так было не только со мной, но и со многими другими работниками Наркомата обороны, которых И. В. Сталин считал необходимым посылать для оказания практической помощи войскам, командованию или штабам фронтов при выполнении задач, поставленных им Ставкой. Стоило ему узнать, что такой-то работник Наркомата обороны хорошо разбирается в вопросах ведения современной войны, организации общевойскового боя и операций или в области использования тех или иных средств борьбы, как при первой необходимости его посылали на один из участков фронта. Так, при формировании зимой 1941 г. 3-й и 4-й ударных армий, на которые Ставка возлагала в дальнейшем значительные надежды, на должность начальников штабов этих армий из оперативного управления личным распоряжением Верховного Главнокомандующего были направлены генералы В. В. Курасов и позднее М. Н. Шаро-

хин. И это несмотря на мои настойчивые просьбы оставить обоих в Генштабе, так как они были лучшими работниками в оперативном управлении.

Насколько велика была забота Верховного Главнокомандующего о фронте и как много он оказывал ему внимания, можно увидеть и из дальнейшего. В конце первой декады мая 1942 г. я, находясь на Северо-Западном фронте, в связи с серьезным заболеванием Б. М. Шапошникова, по приказу Ставки срочно вернулся в Москву. 11 мая на меня было возложено исполнение обязанностей начальника Генерального штаба, а 26 июня решением ГКО я был утвержден в этой должности. Одновременно по моей просьбе на должность начальника оперативного управления и заместителя начальника Генштаба был назначен генерал-лейтенант П. И. Бодин как хорошо подготовленный, способный и опытный штабной работник. Он очень быстро освоился с делом и, бывая вместе со мной и без меня в Ставке, хорошо зарекомендовал себя там. В июне в связи с резко осложнившейся обстановкой на Юго-Западном направлении он был послан туда; затем, будучи на фронте, 12 июля 1942 г. был назначен Ставкой начальником штаба вновь создаваемого Сталинградского фронта, а затем — начальником штаба Закавказского фронта, где в районе города Орджоникидзе 12 ноября 1942 г. и пал смертью храбрых. В июне 1942 г., также по моей просьбе, на должность заместителя начальника Генштаба по вопросам Дальнего Востока был назначен начальник штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Он много и хорошо начал помогать мне по работе Генштаба в целом. Но уже 7 июля, при образовании Ставкой Воронежского фронта, он был назначен командующим войсками этого фронта. С июня по декабрь 1942 г. оперативное управление, по существу, оставалось без начальника.

В декабре в мое распоряжение поступил освободившийся на Кавказе начальник штаба фронта генерал-лейтенант А. И. Антонов. Позволю себе несколько подробнее рассказать об этом обаятельном человеке и выдающемся оперативном работнике, ценнейшей помощью которого мне посчастливилось пользоваться на протяжении нескольких военных и послевоенных лет. Первое наше знакомство произошло осенью 1936 г. при поступлении на учебу в только что созданную Академию Генерального штаба. Установившиеся там дружеские отношения окрепли в конце 1937 г., когда Алексей Иннокентьевич некоторое время работал начальником штаба Московского военного округа, а я возглавлял в оперативном управлении Генштаба отдел по оперативной подготовке. В декабре 1942 г., по договоренности с ним и по моей просьбе, он был назначен Ставкой начальником оперативного управления и первым заместителем начгенштаба. А. И. Антонов приступил к этой работе в конце декабря, когда я находился на фронтах Сталинградского направления, так что мне лично представить его Верховному Главнокомандующему не удалось. В первых числах января 1943 г. Антонов по телефону сообщил мне на Воронежский фронт, что хотя он и приступил к работе в Генеральном штабе, но в Ставку его не вызывают, и он склонен думать, что ему не доверяют. Поэтому он просил меня вернуть его на штабную работу снова на фронт. Мои просьбы и повторные ему рекомендации, высказанные мною И. В. Сталину вслед за этим разговором, положительного результата не дали. Сталин был человеком весьма осторожным, особенно по отношению к новым, для него незнакомым лицам, и поскольку А. И. Антонова до того он совершенно не знал, то и не дал мне никаких обещаний, порекомендовав использовать его на Воронежском фронте при подготовке и проведении операций на Верхнем Дону, что я и вынужден был сделать.

Здесь А. И. Антонов работал в войсках Воронежского фронта так же отлично, как и везде, оставаясь со мной до 18 февраля. После освобож-

дения советскими войсками Курска, а затем Харькова я был отозван Ставкой в Москву, а Антонов решением Ставки был оставлен в качестве ее представителя в Курске. Он прибыл в Москву лишь в марте, сразу же начал ежедневно бывать со мной в Ставке и вскоре уже стал там, как говорится, своим человеком. Около 26 месяцев — с января 1943 г. по февраль 1945 г. — я имел удовольствие работать во время войны в Генеральном штабе вместе с Алексеем Иннокентьевичем. Значительную часть этого времени я, будучи начальником Генерального штаба, находился вне Генштаба, выполняя ответственные задания Верховного Главнокомандования на фронтах. Но, где бы я ни был, Алексей Иннокентьевич, являя пример безупречной дисциплинированности, всегда своевременно и полностью информировал меня обо всех основных событиях, происходивших на фронте, о деятельности Ставки, Генерального штаба и Наркомата обороны. Само собой разумеется, что все принципиальные вопросы, подготовлявшиеся Генеральным штабом, докладывались Ставке лишь после того, как они были предварительно рассмотрены мною. Этого требовал всегда от лиц, замещавших меня, и Верховный Главнокомандующий. Такой порядок в Генеральном штабе был установлен ранее, при Б. М. Шапошникове, и строго поддерживался мною и после того, как Борис Михайлович вынужден был покинуть этот пост в связи со своей болезнью, до тех пор, пока я не получил указаний от И. В. Сталина не беспокоить большого Бориса Михайловича и обращаться к нему за советом лишь в исключительных случаях... Телефонные звонки А. И. Антонова ко мне на фронт и от меня к нему были ежедневными. Почти ежедневными были и телефонные переговоры между Верховным Главнокомандующим и мною. Так продолжалось до 18 февраля 1945 года. В этот день Вооруженные Силы страны понесли тяжелую утрату: скончался от смертельного ранения командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Иван Данилович Черняховский. Постановлением ГКО командование 3-м Белорусским фронтом было возложено на меня, а начальником Генерального штаба был назначен А. И. Антонов. Забегая вперед, скажу, что после окончания войны с Японией и некоторого отдыха в марте 1946 г. я вновь был возвращен на пост начальника Генерального штаба. Алексей Иннокентьевич некоторое время работал в должности первого заместителя начальника Генштаба, а затем был направлен командовать войсками Закавказского военного округа.

Оглядываясь на пройденный мною за время Великой Отечественной войны путь в Генеральном штабе, думая о таких дорогих мне лицах, как Г. К. Жуков, Б. М. Шапошников, А. И. Антонов, П. И. Бодин, Н. Ф. Вагутин, В. Д. Соколовский, чьи имена столь тесно связаны с деятельностью Генерального штаба и большинства которых, к величайшему сожалению, уже нет среди нас, я не могу с глубочайшей благодарностью не вспомнить и других работников Генерального штаба, особенно С. М. Штеменко, Н. А. Ломова, А. А. Грызлова, А. Г. Карпоносова, А. П. Панфилова, И. И. Ильичева, Л. В. Онянова, А. И. Шимонаева, Н. П. Михайлова, Н. И. Потапова, П. Н. Белюсова, И. В. Будилева, М. К. Кудрявцева, много и хорошо потрудившихся в нем ради Победы.

Особенно хочется отметить огромный труд И. Т. Пересыпкина, С. Я. Сергейчука, Н. Д. Псурцева, Н. А. Найденова, Н. А. Борзова и других, под руководством которых была обеспечена устойчивая связь Верховного Главнокомандования и Генерального штаба для руководства вооруженной борьбой в годы Великой Отечественной войны. Не могу не высказать искренней признательности начальникам штабов фронтов С. С. Бирюзову, А. Н. Боголюбову, Д. Н. Гусеву, М. В. Захарову, С. П. Иванову, Ф. К. Корженевичу, В. В. Курасову, Г. К. Маландину, М. С. Малинину, А. П. Покровскому, Л. М. Сандалову, В. Д. Соколовскому, Г. Д. Стельмаху и другим, являвшимся пускай не официально,

но по существу, как бы заместителями начальника Генерального штаба на фронтах. Они не только были незаменимыми помощниками при проведении в жизнь стратегических замыслов и решений Верховного Главнокомандования, но и разделяли с Генштабом все его невзгоды и радости.

Советские люди, а вместе с ними трудящиеся стран социалистической системы и все, кому дорог мир, демократия и социализм, особо торжественно отмечают 25-летний юбилей нашей Победы над фашистской Германией. Наш народ не забыл и в веках не забудет грозные события войны, светлые имена и образы павших героев. Они увековечены в живых сердцах поколений. Все честные люди Земли, кто сам испытал тяжести войны, кто помнит о ней или знает, какой дорогой ценой досталась Победа, понимают, что лучшим памятником героям кровопролитной борьбы с фашизмом будут мир и дружба между народами, свобода и счастье трудового человечества. Наша страна, ленинская партия делают все возможное, чтобы не допустить развязывания новой мировой войны. Одна из гарантий того — наша растущая мощь. Советские люди и Вооруженные Силы СССР берегут как зеницу ока обороноспособность Отчизны. Они всегда готовы дать сокрушительный отпор любому агрессору и отстаивать великое дело коммунизма.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИНЫ